

Колодец И Маятник [Английский И Русский Параллельные Тексты]

Эдгар Аллан По

Эдгар По. Колодец и маятник

I was sick-sick unto death with that long agony; and when they at length unbound me, and I was permitted to sit, I felt that my senses were leaving me.

Меня всего сломила - сокрушила эта долгая агония; и когда, наконец, они меня развязали и позволили сесть, то я почувствовал, что теряю сознание.

The sentence-the dread sentence of death-was the last of distinct accentuation which reached my ears.

Последняя фраза, коснувшаяся моего слуха, был приговор: - страшный смертный приговор, после которого голоса инквизиторов как будто слились в неясном жужжании.

After that, the sound of the inquisitorial voices seemed merged in one dreamy indeterminate hum. It conveyed to my soul the idea of revolution-perhaps from its association in fancy with the burr of a mill wheel. This only for a brief period; for presently I heard no more. Yet, for a while, I saw; but with how terrible an exaggeration!

Этот звук напоминал мне почему-то идею кругового движения - может быть оттого, что в моем воображении я сравнивал его с звуком мельничного колеса; но это продолжалось недолго. Вдруг мне больше ничего не стало слышно; но зато я еще несколько времени продолжал видеть - и как преувеличенно было то, что я видел!

I saw the lips of the black-robed judges. They appeared to me white-whiter than the sheet upon which I trace these words-and thin even to grotesqueness; thin with the intensity of their expression of firmness-of immoveable resolution-of stern contempt of human torture.

Мне представлялись губы судей: они были совсем белые, белее листа, на котором я пишу эти строки, и тонки до невероятности. Еще тоньше казались они от жесткого, непреклонного выражения решимости и строгого презрения к человеческим страданиям.

I saw that the decrees of what to me was Fate, were still issuing from those lips. I saw them writhe with a deadly locution. I saw them fashion the syllables of my name; and I shuddered because no sound succeeded.

Я видел, как эти губы произносили приговор моей судьбы: они шевелились, слагая смертную фразу, в которой я различал буквы моего имени, и я содрогался, чувствуя что за их движением не следовало никакого звука.

I saw, too, for a few moments of delirious horror, the soft and nearly imperceptible waving of the sable draperies which enwrapped the walls of the apartment. And then my vision fell upon the seven tall candles upon the table.

Я видел также, в продолжение нескольких минут томительного ужаса, тихое и едва заметное колебание черных драпировок, облекавших стены залы; потом взгляд мой упал на семь больших подсвечников, поставленных на столе.

At first they wore the aspect of charity, and seemed white and slender angels who would save me; but then, all at once, there came a most deadly nausea over my spirit, and I felt every fibre in my frame thrill as if I had touched the wire of a galvanic battery, while the angel forms became meaningless spectres, with heads of flame, and I saw that from them there would be no help.

Сначала они представились мне как образ Милосердия, подобно белым и стройным ангелам, которые должны были спасти меня, но вдруг смертельная тоска охватила мою душу и каждая фибра моего существа встрепенулась как бы от прикосновения вольтова столба, - формы ангелов превратились в привидения с огненными головами, и я почувствовал, что от них мне нечего надеяться помощи.

And then there stole into my fancy, like a rich musical note, the thought of what sweet rest there must be in the grave.

Тогда, в уме моем проскользнула, как богатая музыкальная нота, мысль о сладком покое, который ждет нас в могиле.

The thought came gently and stealthily, and it seemed long before it attained full appreciation; but just as my spirit came at length properly to feel and entertain it, the figures of the judges vanished, as if magically, from before me; the tall candles sank into nothingness; their flames went out utterly; the blackness of darkness supervened; all sensations appeared swallowed up in a mad rushing descent as of the soul into Hades.

Мысль эта мерцала во мне слабо и будто украдкой, так что я долго не мог сознать ее вполне; но в ту минуту, как мой ум начал оценивать и лелеять ее, фигуры судей внезапно исчезли, большие подсвечники потухли, наступила непроглядная тьма, и все мои ощущения слились в одно, как будто душа моя вдруг

нырнула в какую-то бездонную глубину.

Then silence, and stillness, and night were the universe.

Вселенная превратилась в ночь, безмолвие и неподвижность.

I had swooned; but still will not say that all of consciousness was lost.

Я был в обмороке, но не могу сказать, чтоб лишился всякого сознания.

What of it there remained I will not attempt to define, or even to describe; yet all was not lost.

То, что мне оставалось от этого сознания, я не стану даже пробовать определять или описывать, -но я знаю, что не все еще меня покинуло.

In the deepest slumber-no!

В глубочайшем сне, - нет!

In delirium-no!

В бреде, - нет!

In a swoon-no!

В обмороке, - нет!

In death-no! even in the grave all is not lost.

В смерти, - нет!

Else there is no immortality for man.

Даже в самой могиле не все покидает человека: иначе для него не было бы бессмертия.

Arousing from the most profound of slumbers, we break the gossamer web of some dream. Yet in a second afterward, (so frail may that web have been) we remember not that we have dreamed.

Пробуждаясь от глубокого сна, мы непременно разрываем сеть какого-нибудь сновидения, хотя, секунду спустя, может быть, уже и не помним этого сновидения.

In the return to life from the swoon there are two stages; first, that of the sense of mental or spiritual; secondly, that of the sense of physical, existence.

При возвращении от обморока к жизни, бывают две степени: в первой мы ощущаем существование нравственное, во второй -существование физическое.

It seems probable that if, upon reaching the second stage, we could recall the impressions of the first, we should find these impressions eloquent in memories of the gulf beyond.

Мне кажется вероятным, что если б, дойдя до второй степени, можно было вызвать все ощущения первой степени, то мы бы нашли в ней все красноречивые воспоминания бездны неосязаемого мира.

And that gulf is-what?

А что такое эта бездна?

How at least shall we distinguish its shadows from those of the tomb?

Как отличим мы ее тени от теней смерти?

But if the impressions of what I have termed the first stage, are not, at will, recalled, yet, after long interval, do they not come unbidden, while we marvel whence they come?

И если впечатления того, что я назвал первой степенью, не возвращаются по призыву нашей воли, то разве не бывает, что после долгого промежутка, они являются неожиданно сами собою, и мы тогда изумляемся, откуда могли они взяться?

He who has never swooned, is not he who finds strange palaces and wildly familiar faces in coals that glow; is not he who beholds floating in mid-air the sad visions that the many may not view; is not he who ponders over the perfume of some novel flower-is not he whose brain grows bewildered with the meaning of some musical cadence which has never before arrested his attention.

Тот, кому никогда не случалось быть в обмороке, не знает, какие, в это время, представляются, посреди клубов пламени, дворцы и странно знакомые лица; тот не видал, какие носятся в воздухе меланхолические видения, недоступные простому взгляду; тот не вдыхал запаха неизвестных цветов, не следил за звуками таинственной мелодии, прежде никогда им не слышанной.

Amid frequent and thoughtful endeavors to remember; amid earnest struggles to regather some token of the state of seeming nothingness into which my soul had lapsed, there have been moments when I have dreamed of success; there have been brief, very brief periods when I have conjured up remembrances which the lucid reason of a later epoch assures me could have had reference only to that condition of seeming unconsciousness.

Посреди моих повторяемых и энергических усилий уловить какой-нибудь след сознания в том состоянии ничтожества, в котором находилась душа моя, выдавались по временам минуты, когда мне казалось, что я успеваю в этом. В эти короткие минуты мне представлялись такие воспоминания, которые, очевидно, могли относиться только к тому состоянию, когда сознание было во мне, по-видимому, уничтожено.

These shadows of memory tell, indistinctly, of tall figures that lifted and bore me in silence down-down-still down-till a hideous dizziness oppressed me at the mere idea of the interminableness of the descent.

Эти тени воспоминания рисовали мне очень неясно какие-то большие фигуры, которые поднимали меня и безмолвно несли меня вниз... потом еще ниже, и все ниже и ниже, - до тех пор, пока мною овладело страшное головокружение при мысли о бесконечном нисхождении.

They tell also of a vague horror at my heart, on account of that heart's unnatural stillness.

Помнился мне также какой-то неопределенный ужас, леденящий сердце, хотя оно было, в то время, сверхъестественно спокойно.

Then comes a sense of sudden motionlessness throughout all things; as if those who bore me (a ghastly train!) had outrun, in their descent, the limits of the limitless, and paused from the wearisomeness of their toil.

Потом все стало недвижно, как будто те, которые несли меня, перешли в своем нисхождении за границы безграничного и остановились, подавленные бесконечной скукой своего дела.

After this I call to mind flatness and dampness; and then all is madness-the madness of a memory which

busies itself among forbidden things.

После того, душа моя припоминает ощущение сырости и темноты, и потом все сливается в какое-то безумие, - безумие памяти, не находящей выхода из безобразного круга.

Very suddenly there came back to my soul motion and sound-the tumultuous motion of the heart, and, in my ears, the sound of its beating.

Внезапно звук и движение возвратились в мою душу - сердце беспокойно забилося, и в ушах моих отдавался гул его биения.

Then a pause in which all is blank.

Затем пауза - и все опять исчезло.

Then again sound, and motion, and touch-a tingling sensation pervading my frame. Then the mere consciousness of existence, without thought-a condition which lasted long.

Потом снова звук, движение и осязание как будто пронизали все мое существо, и за этим последовало простое сознание существования без всякой мысли. Такое положение длилось долго.

Then, very suddenly, thought, and shuddering terror, and earnest endeavor to comprehend my true state.

Потом чрезвычайно внезапно, явилась мысль, нервический ужас и энергическое усилие понять, в каком я нахожусь состоянии.

Then a strong desire to lapse into insensibility. Then a rushing revival of soul and a successful effort to move.

Потом пламенное желание снова впасть в бесчувственность и, наконец, быстрое пробуждение души и попытка к движению.

And now a full memory of the trial, of the judges, of the sable draperies, of the sentence, of the sickness, of the swoon. Then entire forgetfulness of all that followed; of all that a later day and much earnestness of endeavor have enabled me vaguely to recall.

Тогда явилось полное воспоминание о процессе, о черных драпировках, о приговоре, о моей слабости, о моем обмороке; - о том же, что было дальше, я забыл совершенно и только впоследствии с величайшими усилиями достиг того, что вспомнил об нем, но и то в неясных чертах.

So far, I had not opened my eyes. I felt that I lay upon my back, unbound.

До этой минуты, я не открывал глаз; я чувствовал только, что лежу на спине и не связанный.

I reached out my hand, and it fell heavily upon something damp and hard. There I suffered it to remain for many minutes, while I strove to imagine where and what I could be.

Я протянул руку, и она тяжело упала на что-то сырое и жесткое; я так и оставил ее на несколько минут, ломая себе голову, чтоб угадать, где я нахожусь и что со мной случилось.

I longed, yet dared not to employ my vision. I dreaded the first glance at objects around me. It was not that I feared to look upon things horrible, but that I grew aghast lest there should be nothing to see.

Мне очень хотелось осмотреться кругом, но я не решался: не потому, чтоб боялся увидеть что-нибудь страшное, но меня ужасала мысль, что я ничего не увижу.

At length, with a wild desperation at heart, I quickly unclosed my eyes. My worst thoughts, then, were confirmed. The blackness of eternal night encompassed me.

Наконец, с сильным замиранием сердца, я быстро открыл глаза, и мое ужасное опасение подтвердилось: меня окружала тьма ночи.

I struggled for breath. The intensity of the darkness seemed to oppress and stifle me. The atmosphere was intolerably close.

Я с усилием вдохнул воздух, потому что мне казалось, что густота мрака давит и душит меня -до того тяжела была атмосфера.

I still lay quietly, and made effort to exercise my reason. I brought to mind the inquisitorial proceedings, and attempted from that point to deduce my real condition.

Продолжая спокойно лежать на спине, я начал напрягать все силы моего рассудка, чтоб припомнить обычаи инквизиции и понять мое настоящее положение.

The sentence had passed; and it appeared to me that a very long interval of time had since elapsed. Yet not for a moment did I suppose myself actually dead.

Надо мною был произнесен смертный приговор, и с тех пор, кажется, прошло довольно долго времени, но мне ни на минуту не пришла в голову мысль, что я уже умер.

Such a supposition, notwithstanding what we read in fiction, is altogether inconsistent with real existence;- but where and in what state was I?

Подобная идея, вопреки всем литературным фикциям, совершенно несовместна с действительным существованием; - но где же я был, и в каком состоянии?

The condemned to death, I knew, perished usually at the autos-da-fe, and one of these had been held on the very night of the day of my trial.

Я знал, что приговоренные к смерти умирали обыкновенно на аутодафе, и даже в самый вечер моего суда была отпразднована одна из этих церемоний.

Had I been remanded to my dungeon, to await the next sacrifice, which would not take place for many months? This I at once saw could not be. Victims had been in immediate demand. Moreover, my dungeon, as well as all the condemned cells at Toledo, had stone floors, and light was not altogether excluded.

Привели ли меня опять в мою темницу, чтоб ожидать там следующего аутодафе, которое должно совершиться чрез несколько месяцев?... Я тотчас понял, что этого быть не могло, потому что все жертвы были вытребованы разом; притом же в моей первой темнице, так как и в кельях всех толедских узников, пол был вымощен камнем, и свет не был из нее совершенно исключен.

A fearful idea now suddenly drove the blood in torrents upon my heart, and for a brief period, I once more relapsed into insensibility.

Вдруг ужасная мысль пришла мне в голову и вся кровь моя бурным потоком прилила к сердцу; - на несколько минут я снова впал в беспамятство.

Upon recovering, I at once started to my feet, trembling convulsively in every fibre. I thrust my arms wildly above and around me in all directions.

Придя в себя, я разом вскочил на ноги, содрогаясь каждой фиброй моего существа, и начал ощупывать руками вокруг себя и над собою, во всех направлениях.

I felt nothing; yet dreaded to move a step, lest I should be impeded by the walls of a tomb.

Хотя ничего не попадалось мне под руку, но я боялся сделать шаг, чтоб не удариться о стены моей гробницы.

Perspiration burst from every pore, and stood in cold big beads upon my forehead. The agony of suspense grew at length intolerable, and I cautiously moved forward, with my arms extended, and my eyes straining from their sockets, in the hope of catching some faint ray of light.

Пот выступил из всех моих пор и холодными каплями застыл у меня на лбу; агония неизвестности сделалась наконец невыносима, и я осторожно двинулся с места, вытянув руки вперед и расширяя глаза, в надежде уловить откуда-нибудь луч света.

I proceeded for many paces; but still all was blackness and vacancy. I breathed more freely.

Так сделал я несколько шагов, но все кругом было темно и пусто, и вздохнул свободнее.

It seemed evident that mine was not, at least, the most hideous of fates.

Мне показалось очевидным, что еще не самая страшная участь мне суждена.

And now, as I still continued to step cautiously onward, there came thronging upon my recollection a thousand vague rumors of the horrors of Toledo.

Пока я продолжал осторожно подвигаться вперед, все бесчисленные, нелепые слухи об ужасах толедских темниц начали приходить мне на память.

Of the dungeons there had been strange things narrated-fables I had always deemed them-but yet strange, and too ghastly to repeat, save in a whisper.

Странные вещи рассказывали об этих темницах, -я всегда считал их за басни, - но, тем не менее, они были так страшны и таинственны, что о них говорилось не иначе как шепотом.

Was I left to perish of starvation in this subterranean world of darkness; or what fate, perhaps even more fearful, awaited me? That the result would be death, and a death of more than customary bitterness, I knew too well the character of my judges to doubt.

Должен ли я был умереть с голоду в этом подземном мире мрака, или меня ожидала еще ужаснейшая казнь?... Что в результате должна была быть смерть, и смерть горькая - в этом я не сомневался: я слишком хорошо знал характер моих судей.

The mode and the hour were all that occupied or distracted me.

Весь вопрос, мучивший и занимавший меня, состоял только в том, какого рода и в какое время последует эта смерть.

My outstretched hands at length encountered some solid obstruction. It was a wall, seemingly of stone masonry-very smooth, slimy, and cold.

Наконец мои протянутые руки встретили твердое препятствие: это была стена, по-видимому, сложенная из камней, - очень гладкая, сырая и холодная.

I followed it up; stepping with all the careful distrust with which certain antique narratives had inspired me.

Я пошел вдоль ее, ступая с недоверчивостью по полу, при воспоминании о некоторых рассказах.

This process, however, afforded me no means of ascertaining the dimensions of my dungeon; as I might make its circuit, and return to the point whence I set out, without being aware of the fact; so perfectly uniform seemed the wall.

Однако ж таким способом никак нельзя было определить размер моей темницы, потому что я мог обойти кругом ее и возвратиться на прежнее место, не замечая этого, так как стена была везде ровная.

I therefore sought the knife which had been in my pocket, when led into the inquisitorial chamber; but it was gone; my clothes had been exchanged for a wrapper of coarse serge.

С этой мыслью, я начал искать ножика, который был у меня в кармане, когда меня повели к суду; но его уже не было, и моя прежняя одежда была заменена платьем из грубой саржи.

I had thought of forcing the blade in some minute crevice of the masonry, so as to identify my point of departure.

Я было хотел засунуть острие ножа в какую-нибудь расщелину стены, чтоб обозначить место, от которого отправлюсь.

The difficulty, nevertheless, was but trivial; although, in the disorder of my fancy, it seemed at first insuperable.

Это было не трудно сделать и другим способом, но в беспорядке моих мыслей мне показалось, что это непреодолимая трудность.

I tore a part of the hem from the robe and placed the fragment at full length, and at right angles to the wall.

Я оторвал от моего платья кромку и положил ее на землю во всю длину, прямым углом от стены.

In groping my way around the prison, I could not fail to encounter this rag upon completing the circuit.

Обходя ощупью мою темницу, я должен был непременно наткнуться опять на этот лоскут, когда окончу круг.

So, at least I thought: but I had not counted upon the extent of the dungeon, or upon my own weakness.

По крайней мере, я так думал, не взявши в расчет размера темницы и моей слабости.

The ground was moist and slippery. I staggered onward for some time, when I stumbled and fell.

Пол был сырой и скользкий; несколько времени я шел на нем спотыкаясь, потом поскользнулся и упал.

My excessive fatigue induced me to remain prostrate; and sleep soon overtook me as I lay.

От чрезвычайной усталости, мне не хотелось вставать и, оставшись в лежачем положении, я заснул.

Upon awaking, and stretching forth an arm, I found beside me a loaf and a pitcher with water.

Проснувшись и протянув руку, я нашел возле себя хлеб и кружку воды.

I was too much exhausted to reflect upon this circumstance, but ate and drank with avidity.

Ум мой был слишком утомлен, чтоб размышлять об этом обстоятельстве, и я начал есть и пить с жадностью.

Shortly afterward, I resumed my tour around the prison, and with much toil came at last upon the fragment of the serge.

Спустя несколько времени, я опять принялся за свое путешествие вокруг тюрьмы и, с большим трудом, дошел наконец до куска саржи.

Up to the period when I fell I had counted fifty-two paces, and upon resuming my walk, I had counted forty-eight more;—when I arrived at the rag.

В ту минуту, как я упал, я насчитал уже 52 шага, а в этот второй раз еще 48 шагов.

There were in all, then, a hundred paces; and, admitting two paces to the yard, I presumed the dungeon to be fifty yards in circuit.

Следовательно, все вместе составляло сто шагов, и, считая два шага за ярд, я предположил, что темница имеет пятьдесят ярдов в окружности.

I had met, however, with many angles in the wall, and thus I could form no guess at the shape of the vault; for vault I could not help supposing it to be.

Впрочем, я попадал на много углов в стене, так что никак не мог определить форму sklepa; -потому что я все не мог удержаться от мысли, что это склеп.

I had little object—certainly no hope these researches; but a vague curiosity prompted me to continue them.

Меня не особенно интересовали эти открытия; я от них ничего не надеялся, но какое-то неопределенное любопытство побуждало меня продолжать их.

Quitting the wall, I resolved to cross the area of the enclosure. At first I proceeded with extreme caution, for the floor, although seemingly of solid material, was treacherous with slime.

Оставивши стену, я решился пройти в пространство по прямой линии; сначала я подвигался с чрезвычайной осторожностью, потому что почва была неверная и скользкая, но наконец ободрился и пошел с уверенностью вперед.

At length, however, I took courage, and did not hesitate to step firmly; endeavoring to cross in as direct a line as possible.

Пройдя десять или двенадцать шагов, я зацепился ногой за остаток оборванной кромки моего платья и упал со всего размаху лицом вниз.

I had advanced some ten or twelve paces in this manner, when the remnant of the torn hem of my robe became entangled between my legs. I stepped on it, and fell violently on my face. In the confusion attending my fall, I did not immediately apprehend a somewhat startling circumstance, which yet, in a few seconds afterward, and while I still lay prostrate, arrested my attention.

Растерявшись от падения, я не вдруг заметил довольно удивительное обстоятельство, привлекшее мое внимание несколько секунд спустя.

It was this—my chin rested upon the floor of the prison, but my lips and the upper portion of my head, although seemingly at a less elevation than the chin, touched nothing.

Вот что это было: подбородок мой упирался в пол темницы, а губы и верхняя часть головы, хотя опущенные еще ниже подбородка, не дотрагивались ни до чего.

At the same time my forehead seemed bathed in a clammy vapor, and the peculiar smell of decayed fungus arose to my nostrils.

В то же время мне показалось, что какой-то сырой пар и запах грибов поднимается ко мне снизу.

I put forward my arm, and shuddered to find that I had fallen at the very brink of a circular pit, whose extent, of course, I had no means of ascertaining at the moment.

Я начал щупать вокруг себя и вздрогнул, догадавшись, что упал на самый край кругообразного колодца, которого величину мне невозможно было определить в эту минуту.

Groping about the masonry just below the margin, I succeeded in dislodging a small fragment, and let it fall into the abyss. For many seconds I hearkened to its reverberations as it dashed against the sides of the chasm in its descent; at length there was a sullen plunge into water, succeeded by loud echoes.

Ощупывая его края, мне удалось отделить от них небольшой кусочек камня, и я бросил его в пропасть, прислушиваясь к его рикошетам; в своем падении, он ударялся о края колодца и наконец погрузился в воду, с звуком, который повторило эхо.

At the same moment there came a sound resembling the quick opening, and as rapid closing of a door overhead, while a faint gleam of light flashed suddenly through the gloom, and as suddenly faded away.

В эту минуту, над головой моей послышался шум, как будто отворилась и тотчас же затворилась дверь, и слабый луч света, внезапно прорезав темноту, так же внезапно исчез.

I saw clearly the doom which had been prepared for me, and congratulated myself upon the timely accident by which I had escaped.

Я ясно увидел, какая участь была мне приготовлена, и обрадовался, что случай спас меня от нее.

Another step before my fall, and the world had seen me no more.

Сделай я еще шаг, и не видать бы мне больше света!

And the death just avoided, was of that very character which I had regarded as fabulous and frivolous in the tales respecting the Inquisition.

Эта избегнутая мною смерть имела именно тот характер, который я считал баснословным и нелепым в рассказах об инквизиции.

To the victims of its tyranny, there was the choice of death with its direst physical agonies, or death with

its most hideous moral horrors.

Ее жертвы всегда обрекались на смерть или с жесточайшими физическими мучениями, или со всеми ужасами нравственной пытки.

I had been reserved for the latter. By long suffering my nerves had been unstrung, until I trembled at the sound of my own voice, and had become in every respect a fitting subject for the species of torture which awaited me.

Мне суждена была эта последняя: нервы мои были до того расстроены долгими страданиями, что я вздрагивал при звуке собственного голоса и сделался во всяком отношении отличным субъектом для того рода пытки, которая меня ожидала.

Shaking in every limb, I groped my way back to the wall; resolving there to perish rather than risk the terrors of the wells, of which my imagination now pictured many in various positions about the dungeon.

Дрожа всеми членами, я ощупью отступил снова к стене, решившись лучше умереть там, чем подвергнуться ужасам колодцев, которых воображение мое представляло несколько во мраке моей темницы.

In other conditions of mind I might have had courage to end my misery at once by a plunge into one of these abysses; but now I was the veriest of cowards.

При другом настроении ума, я бы имел мужество покончить разом со всеми этими муками, кинувшись в зияющую пропасть, но теперь я был совершенный трус.

Neither could I forget what I had read of these pits-that the sudden extinction of life formed no part of their most horrible plan.

Притом же мне невозможно было забыть то, что я читал об этих колодцах, а именно: - что против внезапного уничтожения жизни были приняты там самые тщательные предосторожности, тем самым адским гением, который изобрел весь этот план.

Agitation of spirit kept me awake for many long hours; but at length I again slumbered.

От сильного волнения, а не мог спать несколько часов, но наконец снова заснул.

Upon arousing, I found by my side, as before, a loaf and a pitcher of water.

Проснувшись, я опять нашел, возле себя хлеб и кружку воды.

A burning thirst consumed me, and I emptied the vessel at a draught.

Жажда сжигала меня, и я разом опорожнил кружку.

It must have been drugged; for scarcely had I drunk, before I became irresistibly drowsy. A deep sleep fell upon me-a sleep like that of death.

Вероятно, в воду было что-нибудь подсыпано, потому что едва я ее выпил, как тотчас заснул глубочайшим сном, подобным сну смерти.

How long it lasted of course, I know not; but when, once again, I unclosed my eyes, the objects around me were visible.

Сколько времени он продолжался, я не знаю, но когда я открыл глаза, предметы вокруг меня были видимы.

By a wild sulphurous lustre, the origin of which I could not at first determine, I was enabled to see the extent and aspect of the prison.

Благодаря какому-то странному серому свету, неизвестно откуда исходящему, я мог видеть все пространство моей темницы.

In its size I had been greatly mistaken. The whole circuit of its walls did not exceed twenty-five yards. For some minutes this fact occasioned me a world of vain trouble; vain indeed! for what could be of less importance, under the terrible circumstances which environed me, than the mere dimensions of my dungeon?

Я очень ошибся в ее размере; стены не могли иметь больше двадцати-пяти ярдов в окружности, и на несколько минут это открытие чрезвычайно меня смутило, - хотя, по правде сказать, смущаться было нечем, потому что, при ужасных обстоятельствах, окружавших меня, что могла значить большая или меньшая величина темницы?

But my soul took a wild interest in trifles, and I busied myself in endeavors to account for the error I had committed in my measurement.

Но душа моя странно привязывалась к этим мелочам, и я старался отдать себе отчет, почему мог ошибиться в моем измерении.

The truth at length flashed upon me.

Наконец истина блеснула мне как молния.

In my first attempt at exploration I had counted fifty-two paces, up to the period when I fell; I must then have been within a pace or two of the fragment of serge; in fact, I had nearly performed the circuit of the vault.

В первой моей попытке обойти темницу, я отсчитал пятьдесят два шага до той минуты, когда упал; я должен был быть в это время шагах в двух от лоскутка саржи; потому что уже обошел почти всю стену кругом.

I then slept, and upon awaking, I must have returned upon my steps-thus supposing the circuit nearly double what it actually was.

Но тут я заснул и, проснувшись, вероятно, пошел назад и, таким образом, сделал двойной обход.

My confusion of mind prevented me from observing that I began my tour with the wall to the left, and ended it with the wall to the right.

Беспорядок в мыслях препятствовал мне заметить, что в начале обхода стена была у меня по левую руку, а при конце она очутилась по правую.

I had been deceived, too, in respect to the shape of the enclosure.

Я также ошибся относительно формы здания.

In feeling my way I had found many angles, and thus deduced an idea of great irregularity; so potent is the effect of total darkness upon one arousing from lethargy or sleep!

Идя ощупью, я попадал руками на много углов, и оттого мне казалось, что постройка стен очень неправильна. Вот что значит действие совершенной темноты на человека, пробуждающегося от обморока или сна!

The angles were simply those of a few slight depressions, or niches, at odd intervals. The general shape of the prison was square.

Эти углы просто были легкие неровности в стене; общая же форма темницы была четвероугольная.

What I had taken for masonry seemed now to be iron, or some other metal, in huge plates, whose sutures or joints occasioned the depression.

То, что я принял за камни, оказалось теперь плитами железа или другого какого металла, которого спайки и составляли неровности.

The entire surface of this metallic enclosure was rudely daubed in all the hideous and repulsive devices to which the charnel superstition of the monks has given rise.

Вся поверхность этой металлической постройки была грубо испачкана всеми отвратительными и безобразными эмблемами, порожденными суеверием монахов.

The figures of fiends in aspects of menace, with skeleton forms, and other more really fearful images, overspread and disfigured the walls.

Фигуры демонов с угрожающими лицами, формы скелетов и другие, тому подобные изображения оскверняли стены на всем их протяжении.

I observed that the outlines of these monstrosities were sufficiently distinct, but that the colors seemed faded and blurred, as if from the effects of a damp atmosphere.

Я заметил, что контуры этих чудовищ достаточно явственны, тогда как краски попортились и слиняли как будто от действия сырой атмосферы.

I now noticed the floor, too, which was of stone. In the centre yawned the circular pit from whose jaws I had escaped; but it was the only one in the dungeon.

Тут я разглядел также, что пол выложен камнем: посреди его зиял кругообразный колодезь, которого я избегнул, и кроме его не было другого в темнице.

All this I saw indistinctly and by much effort: for my personal condition had been greatly changed during slumber.

Все это я видел неясно и с некоторым усилием, потому что мое физическое положение странно изменилось во время моего сна.

I now lay upon my back, and at full length, on a species of low framework of wood. To this I was securely bound by a long strap resembling a surcingle.

Теперь я лежал во весь рост на спине на чем-то вроде деревянной низкой скамьи, к которой я был крепко привязан длинной тесьмой, похожей на ремень.

It passed in many convolutions about my limbs and body, leaving at liberty only my head, and my left arm to such extent that I could, by dint of much exertion, supply myself with food from an earthen dish which lay by my side on the floor.

Она несколько раз обвивалась вокруг всего тела, оставляя свободными только голову и левую руку, так что я лишь с усилием мог доставать пищу, поставленную возле меня на полу в глиняном блюде.

I saw, to my horror, that the pitcher had been removed.

Я заметил с ужасом, что кружки не было, а между тем меня пожирала невыносимая жажда.

I say to my horror; for I was consumed with intolerable thirst. This thirst it appeared to be the design of my persecutors to stimulate: for the food in the dish was meat pungently seasoned.

Казалось, что довести эту жажду до последних пределов входило в план моих палачей, потому что мясо, находившееся в блюде, было изобильно приправлено пряностями.

Looking upward, I surveyed the ceiling of my prison.

Я поднял глаза и стал рассматривать потолок.

It was some thirty or forty feet overhead, and constructed much as the side walls.

Он был от меня на высоте тридцати или сорока футов, и походил устройством на стены.

In one of its panels a very singular figure riveted my whole attention.

В одной из его плит странная фигура привлекла мое внимание.

It was the painted figure of Time as he is commonly represented, save that, in lieu of a scythe, he held what, at a casual glance, I supposed to be the pictured image of a huge pendulum such as we see on antique clocks.

Это было нарисованное изображение времени, как его обыкновенно представляют, только с той разницей, что вместо косы, оно держало предмет, который я принял с первого взгляда за огромные нарисованные часы.

There was something, however, in the appearance of this machine which caused me to regard it more attentively. While I gazed directly upward at it (for its position was immediately over my own) I fancied that I saw it in motion.

Было, однако, в форме этого предмета что-то такое, что заставило меня вглядеться в него с большим вниманием, и пока я смотрел на него, подняв глаза, так как он находился прямо надо мною, мне показалось, что он шевелится.

In an instant afterward the fancy was confirmed. Its sweep was brief, and of course slow. I watched it for some minutes, somewhat in fear, but more in wonder.

Минуто спустя, эта мысль подтвердилась: внизу часов качался маятник коротким и медленным движением.

Wearied at length with observing its dull movement, I turned my eyes upon the other objects in the cell.

Наконец, утомившись следить за его однообразным движением, я обратил взор на другие предметы моей кельи.

A slight noise attracted my notice, and, looking to the floor, I saw several enormous rats traversing it.

Легкий шум привлек мое внимание, и, взглянув на пол, я увидел, что по нем ходят огромные крысы.

They had issued from the well, which lay just within view to my right. Even then, while I gazed, they came up in troops, hurriedly, with ravenous eyes, allured by the scent of the meat.

Они вышли из колодца, который был виден мне по правую руку, и в ту минуту, как я смотрел на него, крысы стали кучами выскакивать оттуда, привлеченные запахом мяса.

From this it required much effort and attention to scare them away.

С большим трудом я мог отогнать их от моей пищи.

It might have been half an hour, perhaps even an hour, (for I could take but imperfect note of time) before I again cast my eyes upward.

Прошло с полчаса, а может быть, и с час - потому что я не мог ясно определить времени - когда я снова поднял глаза вверх.

What I then saw confounded and amazed me.

То, что я там увидел, привело меня в недоумение и изумление.

The sweep of the pendulum had increased in extent by nearly a yard.

Размер маятника увеличился почти на целый ярд, и движение его стало быстрее.

As a natural consequence, its velocity was also much greater.

Но что меня больше всего смутило, так это то, что он видимо опустился.

But what mainly disturbed me was the idea that it had perceptibly descended. I now observed-with what horror it is needless to say-that its nether extremity was formed of a crescent of glittering steel, about a foot in length from horn to horn; the horns upward, and the under edge evidently as keen as that of a razor.

Тогда я разглядел - не стану описывать, с каким ужасом - что нижняя его оконечность состояла из блестящего стального полумесяца, имевшего около фута длины от одного рога до другого; рога были направлены вверх, а нижняя округлость, очевидно, была наточена, как бритва.

Like a razor also, it seemed massy and heavy, tapering from the edge into a solid and broad structure above. It was appended to a weighty rod of brass, and the whole hissed as it swung through the air.

Он казался так же тяжел и массивен, как бритва, утолщаясь вверх своим широким концом, и был прикреплен к тяжелому медному пруту, на котором раскачивался со свистом.

I could no longer doubt the doom prepared for me by monkish ingenuity in torture.

Я не мог более сомневаться в участи, приготовленной мне изобретательностью монахов.

My cognizance of the pit had become known to the inquisitorial agents-the pit whose horrors had been destined for so bold a recusant as myself-the pit, typical of hell, and regarded by rumor as the Ultima Thule of all their punishments. The plunge into this pit I had avoided by the merest of accidents, I knew that surprise, or entrapment into torment, formed an important portion of all the grotesquerie of these dungeon deaths.

Агенты инквизиции угадали, что я открыл колодезь - колодезь, вполне достойную кару для такого еретика, как я... Я совершенно случайно избежал падения в него, но, в то же время знал, что искусство делать из казни западню и сюрприз для осужденного, составляет важную отрасль всей этой фантастической системы тайных экзекуций.

Having failed to fall, it was no part of the demon plan to hurl me into the abyss; and thus (there being no alternative) a different and a milder destruction awaited me. Milder!

Так как мое нечаянное падение не удалось, то в план этих демонов вовсе не входило бросить меня туда насильно: следовательно, я был обречен - на этот раз уже непременно - на другую, более приятную смерть... Более приятную!

I half smiled in my agony as I thought of such application of such a term.

Посреди моей агонии я улыбнулся, когда мне пришло на ум это странное слово.

What boots it to tell of the long, long hours of horror more than mortal, during which I counted the rushing vibrations of the steel!

К чему послужит рассказывать те долгие, долгие часы ужаса, в продолжение которых я считал звучащие движения стали?

Inch by inch-line by line-with a descent only appreciable at intervals that seemed ages-down and still down it came!

Она опускалась дюйм за дюймом, линия за линией, так постепенно и незаметно, что это можно было заметить только после долгих промежутков времени, казавшихся мне веками.

Days passed-it might have been that many days passed-ere it swept so closely over me as to fan me with its acid breath.

Все опускалась ниже - все ниже!... Протекли целые дни - может быть, даже много дней -прежде чем маятник начал качаться от меня достаточно близко, чтоб я мог чувствовать движение рассекаемого им воздуха.

The odor of the sharp steel forced itself into my nostrils.

Запах наточенной стали входил в мои ноздри.

I prayed-I wearied heaven with my prayer for its more speedy descent.

Я молил небо - молил неустанно, - чтоб сталь поскорее опускалась.

I grew frantically mad, and struggled to force myself upward against the sweep of the fearful scimitar.

Я помешался, я обезумел, и силился подняться на встречу этому движущемуся мечу.

And then I fell suddenly calm, and lay smiling at the glittering death, as a child at some rare bauble.

Потом, внезапно, глубочайшее спокойствие низшло в мою душу, и я лег неподвижно, улыбаясь этой сверкающей смерти, как ребенок дорогой игрушке.

There was another interval of utter insensibility; it was brief; for, upon again lapsing into life there had been no perceptible descent in the pendulum.

Опять настала минута полного беспамятства, хотя на весьма короткое время, потому что, придя в себя, я не нашел, чтоб маятник заметно опустился.

But it might have been long; for I knew there were demons who took note of my swoon, and who could have arrested the vibration at pleasure.

Однако, это время могло быть и долгое, потому что я знал, что вокруг меня были демоны, которые подметили мой обморок и могли остановить движение маятника по своей воле.

Upon my recovery, too, I felt very-oh, inexpressibly sick and weak, as if through long inanition.

Опомнившись совершенно, я почувствовал невыразимую, болезненную слабость, как будто от долгого голода.

Even amid the agonies of that period, the human nature craved food.

Даже посреди настоящих мук, природа требовала пищи.

With painful effort I outstretched my left arm as far as my bonds permitted, and took possession of the small remnant which had been spared me by the rats.

С тяжелым усилием я протянул мою левую руку, насколько позволяли мои узы, и достал небольшой остаток мяса, оставленный крысами.

As I put a portion of it within my lips, there rushed to my mind a half formed thought of joy-of hope.

Пока я подносил его ко рту, в уме моем мелькнула какая-то бессознательная мысль радости и надежды.

Yet what business had I with hope?

По-видимому, что могло быть общего между мною и надеждой?

It was, as I say, a half formed thought-man has many such which are never completed.

Но я повторяю, что эта мысль была бессознательная, - человеку часто приходят такие мысли без формы.

I felt that it was of joy-of hope; but felt also that it had perished in its formation.

Я чувствовал только, что это была мысль радости и надежды, но она угасла почти в ту же минуту, как родилась.

In vain I struggled to perfect-to regain it. Long suffering had nearly annihilated all my ordinary powers of mind.

Напрасно я старался опять вызвать, уловить ее: мои долгие страдания почти уничтожили во мне все умственные способности.

I was an imbecile-an idiot.

Я был безумный, идиот.

The vibration of the pendulum was at right angles to my length. I saw that the crescent was designed to cross the region of the heart.

Движение маятника происходило в прямой линии надо мной, и я заметил, что полумесяц был направлен так, чтоб пройти сквозь полость сердца.

It would fray the serge of my robe-it would return and repeat its operations-again-and again.

Он сначала только заденет саржу моего платья, потом возвратится и прорежет ее, и потом опять, и опять.

Notwithstanding terrifically wide sweep (some thirty feet or more) and the its hissing vigor of its descent, sufficient to sunder these very walls of iron, still the fraying of my robe would be all that, for several minutes, it would accomplish.

Несмотря на огромное пространство кривой линии, описываемой им (около тридцати футов), и на силу его взмахов, которые могли бы прорезать самые стены, он не мог, в продолжение нескольких минут, сделать ничего другого, как только задеть и прорвать мое платье.

And at this thought I paused. I dared not go farther than this reflection.

На этой мысли я остановился; далее я не смел идти.

I dwelt upon it with a pertinacity of attention-as if, in so dwelling, I could arrest here the descent of the steel.

С упрямым вниманием я налег на одну эту мысль, как будто этим мог остановить опускание стали.

I forced myself to ponder upon the sound of the crescent as it should pass across the garment-upon the peculiar thrilling sensation which the friction of cloth produces on the nerves.

Я размышлял о том, какой звук произведет полумесяц, проходя по моему платью, и какое ощущение произведет на мои нервы трение саржи о мое тело.

I pondered upon all this frivolity until my teeth were on edge.

Я до тех пор углублялся в это, пока у меня в зубах начался зуд.

Down-steadily down it crept.

Ниже, - еще ниже - он все скользил ниже.

I took a frenzied pleasure in contrasting its downward with its lateral velocity.

Я сравнивал быстроту его раскачивания с быстротой нисхождения, и это доставляло мне едкое удовольствие.

To the right-to the left-far and wide-with the shriek of a damned spirit; to my heart with the stealthy pace of the tiger!

Направо - налево, и потом он высоко взмахивался, и опять возвращался со скрипом и визгом, и подкрадывался к самому моему сердцу увертливо и тайком, как тигр!

I alternately laughed and howled as the one or the other idea grew predominant.

Я попеременно смеялся и стонал по мере того, как мне приходили эти различные мысли.

Down-certainly, relentlessly down!

Ниже! - неизменно, безжалостно ниже!

It vibrated within three inches of my bosom!

Он звучал на расстоянии трех дюймов от моей груди.

I struggled violently, furiously, to free my left arm.

Я усиливался с бешенством освободить мою левую руку: она была не связана только от локтя до кисти.

This was free only from the elbow to the hand.

Я мог доставать ею до блюда, стоявшего возле меня, и подносить ко рту пищу - больше ничего.

I could reach the latter, from the platter beside me, to my mouth, with great effort, but no farther. Could I have broken the fastenings above the elbow, I would have seized and attempted to arrest the pendulum.

Если б я мог разорвать тесьму, связывающую локоть, я бы схватил маятник и попробовал остановить его.

I might as well have attempted to arrest an avalanche!

Это было почти то же, что остановить катящуюся лавину!

Down-still unceasingly-still inevitably down!

Все ниже!... непрерывно, неизбежно все ниже!

I gasped and struggled at each vibration. I shrunk convulsively at its every sweep.

Я удерживал дыхание, и метался при каждой вибрации; судорожно съеживался при каждом взмахе.

My eyes followed its outward or upward whirls with the eagerness of the most unmeaning despair; they closed themselves spasmodically at the descent, although death would have been a relief, oh! how unspeakable!

Глаза мои следили за его восходящим и нисходящим полетом с безумным отчаянием, и спазматически закрывались в ту минуту, как он опускался. Какой отрадой была бы смерть - о, какой невыразимой отрадой!

Still I quivered in every nerve to think how slight a sinking of the machinery would precipitate that keen, glistering axe upon my bosom. It was hope that prompted the nerve to quiver-the frame to shrink. It was hope-the hope that triumphs on the rack-that whispers to the death-condemned even in the dungeons of the Inquisition.

И, однако, я дрожал всеми членами при мысли, что машине достаточно спуститься на линию, чтоб коснуться моей груди этой острой, блестящей секирой... Я дрожал от надежды: это она заставляла так трепетать все мои нервы и все существо мое - та надежда, которая прорывается даже на эшафот и нашептывает на ухо приговоренным к смерти, даже в тюрьмах инквизиции!

I saw that some ten or twelve vibrations would bring the steel in actual contact with my robe, and with this observation there suddenly came over my spirit all the keen, collected calmness of despair.

Я увидел, что десять или двенадцать взмахов приведут сталь в соприкосновение с моей одеждой, и, вместе с этим убеждением, в моем уме водворилось сосредоточенное спокойствие отчаяния.

For the first time during many hours-or perhaps days-I thought.

В первый раз после стольких часов и, может быть, дней, я стал думать.

It now occurred to me that the bandage, or surcingle, which enveloped me, was unique. I was tied by no separate cord.

Мне пришло на мысль, что бандажи или ремни, которые меня стягивали, были из одного куска, обвивавшего все мое тело.

The first stroke of the razorlike crescent athwart any portion of the band, would so detach it that it might be unwound from my person by means of my left hand.

Первый надрез полумесяца, в какую бы часть ремня он ни попал, должен был ослабить его настолько, чтоб позволить моей левой руке распутать его.

But how fearful, in that case, the proximity of the steel!

Но как ужасна становилась в этом случае близость стали!

The result of the slightest struggle how deadly!

Самое легкое движение могло быть смертельно!

Was it likely, moreover, that the minions of the torturer had not foreseen and provided for this possibility!

Да и притом - вероятно ли, чтоб палачи не предвидели и не приняли мер против этой возможности?

Was it probable that the bandage crossed my bosom in the track of the pendulum?

Точно ли бандаж прикрывает мою грудь в том месте, на которое должен опуститься маятник?

Dreading to find my faint, and, as it seemed, in last hope frustrated, I so far elevated my head as to obtain a distinct view of my breast.

Трепеща лишиться последней надежды, я приподнял голову, чтоб взглянуть на свою грудь.

The surcingle enveloped my limbs and body close in all directions-save in the path of the destroying crescent.

Ремень туго обвивал мои члены во всех направлениях, исключая только того места, которое приходилось по дороге смертоносному полумесяцу.

Scarcely had I dropped my head back into its original position, when there flashed upon my mind what I cannot better describe than as the unformed half of that idea of deliverance to which I have previously alluded, and of which a moiety only floated indeterminately through my brain when I raised food to my burning lips.

Едва голова моя снова приняла прежнее положение, как почувствовал, что в уме моем блеснуло что-то, чего я не умею назвать иначе, как второй половиной той мысли избавления, о которой я уже говорил в то время, как первая ее половина мелькнула неясно у меня в мозгу, пока я подносил пищу к губам.

The whole thought was now present-feeble, scarcely sane, scarcely definite,-but still entire.

Теперь вся мысль была сформирована - бледная, едва сознаваемая, но все-таки полная.

I proceeded at once, with the nervous energy of despair, to attempt its execution.

Я тотчас же начал, с энергией отчаяния, приводить ее в исполнение.

For many hours the immediate vicinity of the low framework upon which I lay, had been literally swarming with rats. They were wild, bold, ravenous; their red eyes glaring upon me as if they waited but for motionlessness on my part to make me their prey.

Уже несколько часов, около скамьи, на которой я лежал, разгуливали толпы жадных и смелых крыс; их красные глаза устремлялись на меня так, как будто они ожидали только моей неподвижности, чтоб кинуться на меня как на добычу.

"To what food," I thought, "have they been accustomed in the well?"

"К какой пище были они приучены в этом колодце?" - подумал я.

They had devoured, in spite of all my efforts to prevent them, all but a small remnant of the contents of the dish.

Несмотря на все мои усилия отогнать их, они сожрали почти все, что было в блюде, исключая небольшого остатка.

I had fallen into an habitual see-saw, or wave of the hand about the platter: and, at length, the unconscious uniformity of the movement deprived it of effect. In their voracity the vermin frequently fastened their sharp fangs in my fingers.

У меня уже обратилось в привычку махать беспрестанно рукою к блюду и от блюда, и машинное однообразие этого движения отняло у него все его действие, так что прожорливые гадины стали часто вонзать свои острые зубы в мои пальцы.

With the particles of the oily and spicy viand which now remained, I thoroughly rubbed the bandage wherever I could reach it; then, raising my hand from the floor, I lay breathlessly still.

Собравши остатки пропитанного маслом и пряностями мяса, я крепко натер ими ремень, где только мог достать; потом принял руку от блюда и лег неподвижно, удерживая даже дыхание.

At first the ravenous animals were startled and terrified at the change-at the cessation of movement.

Сначала жадные животные были изумлены и испуганы этой переменной - внезапным прекращением движения руки.

They shrank alarmedly back; many sought the well. But this was only for a moment.

В тревоге, они повернули назад и некоторые возвратились даже в колодезь; но это продолжалось только одну минуту.

I had not counted in vain upon their voracity. Observing that I remained without motion, one or two of the boldest leaped upon the frame-work, and smelt at the surcingle.

Я не напрасно надеялся на их прожорливость: уверившись, что я более не шевелюсь, одна или две из самых смелых крыс вскарабкались на скамью и начали нюхать ремни.

This seemed the signal for a general rush.

Это было сигналом общего нападения.

Forth from the well they hurried in fresh troops. They clung to the wood-they overran it, and leaped in hundreds upon my person.

Новые толпы выскочили из колодца, полезли на скамью и прыгнули сотнями на мое тело.

The measured movement of the pendulum disturbed them not at all. Avoiding its strokes they busied themselves with the anointed bandage.

Правильное движение маятника не смущало их нисколько; они увертывались от него и деятельно трудились над намасленным ремнем.

They pressed-they swarmed upon me in ever accumulating heaps. They writhed upon my throat; their cold lips sought my own; I was half stifled by their thronging pressure; disgust, for which the world has no name, swelled my bosom, and chilled, with a heavy clamminess, my heart.

Они толпились, метались и кучами взбились на меня; топтались на моем горле, касались моих губ своими холодными губами. Я задыхался под их тяжестью; отвращение, которому нет названия на свете, поднимало тошнотой всю мою внутренность и леденило сердце.

Yet one minute, and I felt that the struggle would be over. Plainly I perceived the loosening of the bandage. I knew that in more than one place it must be already severed.

Еще минута, и страшная операция должна была кончиться, - я положительно чувствовал ослабление ремня и знал, что он уже прорван в нескольких местах.

With a more than human resolution I lay still. Nor had I erred in my calculations-nor had I endured in vain.

С сверхъестественной решимостью, я оставался неподвижен: я не ошибся в моих расчетах и страдал не напрасно.

I at length felt that I was free.

Наконец я почувствовал, что свободен.

The surcingle hung in ribands from my body. But the stroke of the pendulum already pressed upon my bosom. It had divided the serge of the robe. It had cut through the linen beneath. Twice again it swung, and a sharp sense of pain shot through every nerve.

Ремень висел лохмотьями вокруг моего тела; но движение маятника уже касалось моей груди: он уже разорвал сначала саржу моего платья, потом нижнюю сорочку; еще взмахнул два раза - и чувство едкой боли пронизало все мои нервы.

But the moment of escape had arrived. At a wave of my hand my deliverers hurried tumultuously away.

Но минута спасения настала: при одном жесте моей руки, избавители мои убежали в беспорядке.

With a steady movement-cautious, sidelong, shrinking, and slow-I slid from the embrace of the bandage and beyond the reach of the scimitar.

Тогда, осторожным, но решительным движением, медленно съезжаясь и ползком, я выскользнул из своих уз и из-под грозного меча.

For the moment, at least, I was free.

В настоящую минуту, я был совершенно свободен!

Free!-and in the grasp of the Inquisition!

Свободен - и в когтях инквизиции!

I had scarcely stepped from my wooden bed of horror upon the stone floor of the prison, when the motion of the hellish machine ceased and I beheld it drawn up, by some invisible force, through the ceiling.

Едва я сошел с моего ужасного ложа, едва я сделал несколько шагов по полу тюрьмы, как движение адской машины прекратилось, и я увидел, что она поднимается невидимой силой к потолку.

This was a lesson which I took desperately to heart. My every motion was undoubtedly watched.

Этот урок наполнил сердце мое отчаянием и показал, что все мои движения были подмечены.

Free!-I had but escaped death in one form of agony, to be delivered unto worse than death in some other.

Я для того только избегнул смертной агонии одного рода, чтоб подвергнуться другой!

With that thought I rolled my eyes nervously around on the barriers of iron that hemmed me in.

При этой мысли, я судорожно повел глазами по железным плитам, окружавшим меня.

Something unusual-some change which, at first, I could not appreciate distinctly-it was obvious, had taken place in the apartment.

Очевидно было, что в комнате происходит что-то странное, - какая-то перемена, в которой я не мог дать себе отчета.

For many minutes of a dreamy and trembling abstraction, I busied myself in vain, unconnected conjecture.

В продолжение нескольких минут, похожих на сон, я терялся в напрасных и бессвязных предположениях.

During this period, I became aware, for the first time, of the origin of the sulphurous light which illumined the cell. It proceeded from a fissure, about half an inch in width, extending entirely around the prison at the base of the walls, which thus appeared, and were, completely separated from the floor.

Тут я заметил в первый раз происхождение серного света, освещавшего келью: он выходил из расщелины шириною в полдюйма, опоясывавшей всю тюрьму снизу, от основания стен, которые, поэтому, казались, и действительно были совершенно отделены от пола.

I endeavored, but of course in vain, to look through the aperture.

Я старался, но, конечно, напрасно, заглянуть в это отверстие.

As I arose from the attempt, the mystery of the alteration in the chamber broke at once upon my understanding.

Когда я с унынием привстал, тайна перемены фигуры комнаты вдруг стала понятна моему уму.

I have observed that, although the outlines of the figures upon the walls were sufficiently distinct, yet the colors seemed blurred and indefinite.

Я уже упоминал, что хотя формы рисунков на стене были достаточно ясны, но цвета их казались полинявшими и неопределенными.

These colors had now assumed, and were momentarily assuming, a startling and most intense brilliancy, that gave to the spectral and fiendish portraiture an aspect that might have thrilled even firmer nerves than my own.

Теперь эти цвета принимали с каждой минутой все более и более яркий блеск, который придавал этим адским фигурам такой вид, что человек и покрепче меня нервами содрогнулся бы при виде их.

Demon eyes, of a wild and ghastly vivacity, glared upon me in a thousand directions, where none had been visible before, and gleamed with the lurid lustre of a fire that I could not force my imagination to regard as unreal.

Глаза демонов, - живые, кровожадные и мрачные - устремлялись на меня из таких мест, где я прежде их не подозревал, и блистали грозным пламенем огня, который я тщетно усиливался считать вообразимым.

Unreal!-Even while I breathed there came to my nostrils the breath of the vapour of heated iron!

Вообразимым!.. Когда при каждом дыхании, мои ноздри втягивали пар раскаленного железа!

A suffocating odour pervaded the prison! A deeper glow settled each moment in the eyes that glared at my agonies!

Удушающий запах распространялся в темнице, и глаза, глядящие на мою агонию, разгорались все ярче и ярче!

A richer tint of crimson diffused itself over the pictured horrors of blood.

Безобразные кровавые рисунки окрашивались все богаче красным цветом!

I panted! I gasped for breath!

Я задыхался - я едва мог переводить дыхание.

There could be no doubt of the design of my tormentors-oh! most unrelenting! oh! most demoniac of men!

Не оставалось более сомнения в намерении моих палачей; - о, безжалостные! демоны, а не люди!..

I shrank from the glowing metal to the centre of the cell.

Я отступил от раскаленного металла к центру темницы.

Amid the thought of the fiery destruction that impended, the idea of the coolness of the well came over my soul like balm.

В виду этой огненной смерти, мысль о свежести колодца ласкала, как бальзам, мою душу.

I rushed to its deadly brink.

Я бросился к его смертоносным краям и устремил взгляд в глубину.

I threw my straining vision below. The glare from the enkindled roof illumined its inmost recesses.

Блеск раскаленного свода освещал все его глубочайшие извилины; но, несмотря на это, мой ум отказывался понять значение того, что я видел.

Yet, for a wild moment, did my spirit refuse to comprehend the meaning of what I saw.

Наконец это вошло в мою душу - ворвалось в нее насильно, запечатлелось огненными буквами в моем улетающем рассудке.

At length it forced-it wrestled its way into my soul-it burned itself in upon my shuddering reason.-Oh! for a voice to speak!-oh! horror!-oh! any horror but this!

O! где взять слов, чтоб высказаться! - O! ужас из ужасов! - O! лучше все ужасы, только не это!

With a shriek, I rushed from the margin, and buried my face in my hands-weeping bitterly.

- С жалобным воплем, я откинулся прочь от колодца и, закрыв лицо руками, горько заплакал.

The heat rapidly increased, and once again I looked up, shuddering as with a fit of the ague.

Жар быстро увеличивался, и я еще раз раскрыл глаза, дрожа как в лихорадке.

There had been a second change in the cell-and now the change was obviously in the form.

Вторая перемена совершилась в комнате - и на этот раз, она произошла в ее форме.

As before, it was in vain that I, at first, endeavoured to appreciate or understand what was taking place. But not long was I left in doubt.

Как и в первый раз, я сначала напрасно пытался понять, что такое происходит; но сомнение мое продолжалось недолго.

The Inquisitorial vengeance had been hurried by my two-fold escape, and there was to be no more dallying with the King of Terrors.

Мщение инквизиции шло теперь быстрыми шагами, дважды потерпев от меня поражение - и недолго уже мне оставалось шутить с Царем Ужаса.

The room had been square. I saw that two of its iron angles were now acute-two, consequently, obtuse.

Комната прежде была четверугольная: теперь же я заметил, что два ее угла сделались острыми, а два остальные тупыми.

The fearful difference quickly increased with a low rumbling or moaning sound.

Эта страшная противоположность увеличивалась быстро с глухим шумом и скрипом.

In an instant the apartment had shifted its form into that of a lozenge.

В одну минуту, комната вся перекосилась, но превращение на этом еще не остановилось.

But the alteration stopped not here-I neither hoped nor desired it to stop. I could have clasped the red walls to my bosom as a garment of eternal peace.

Я уже не желал и не надеялся, чтоб оно остановилось; я готов был прижать раскаленные стены к моей груди, как одежду вечного покоя.

"Death," I said, "any death but that of the pit!"

- Смерть, говорил я себе, - смерть, какая бы ни была, только не смерть в колодце!

Fool! might I have not known that into the pit it was the object of the burning iron to urge me?

- Безумный! как же я не понял, что им нужен был именно колодезь, что один только этот колодезь был причиною огня, осаждавшего меня?

Could I resist its glow? or, if even that, could I withstand its pressure.

Мог ли я противиться его пламени? И даже если б мог, то как бы я устоял на месте?

And now, flatter and flatter grew the lozenge, with a rapidity that left me no time for contemplation.

Косоугольник все сплющивался с такой быстротой, что я едва имел время размышлять.

Its centre, and of course, its greatest width, came just over the yawning gulf.

Центр его, соответствовавший самой широкой его линии, находился прямо перед зияющей пропастью.

I shrank back-but the closing walls pressed me resistlessly onward.

Я хотел отступить - но стены, суживаясь, гнали меня вперед.

At length for my seared and writhing body there was no longer an inch of foothold on the firm floor of the prison.

Наконец, настала минута, когда мое обожженное и скорченное тело почти не находило места, когда ноги мои едва могли стоять на полу.

I struggled no more, but the agony of my soul found vent in one loud, long, and final scream of despair.

Я более не боролся; но агония души моей высказалась в долгом вопле невыразимого отчаяния.

I felt that I tottered upon the brink-I averted my eyes-

Я чувствовал, что шатаюсь у края колодца и -отворотился.

There was a discordant hum of human voices! There was a loud blast as of many trumpets!

И вдруг послышался беспорядочный гул человеческих голосов, пальба, звуки труб!

There was a harsh grating as of a thousand thunders!

Могучий крик тысячи голосов потряс воздух как раскат грома!

The fiery walls rushed back!

Огненные стены поспешно отступили назад.

An outstretched arm caught my own as I fell, fainting, into the abyss.

Чья-то рука схватила мою руку в ту минуту, как я, от изнеможения, падал в бездну.

It was that of General Lasalle.

Это была рука генерала Лассалля.

The French army had entered Toledo. The Inquisition was in the hands of its enemies.

Французская армия вступила в Толедо: инквизиция была в руках своих врагов.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)